

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ 19 НОЯБРЯ 1960 г.

РОКУЭЛЛ КЕНТ

Американский художник и общественный деятель (р. 1882)

Огромное, почти в половину земного шара расстояние преодолел я, американец, для того, чтобы в коротком, но от сердца идущем слове отдать бессмертному Толстому дань восхищения, которое уже более полувека живет во мне.

Попытайтесь, если это возможно, вообразить меня таким, каким я был в те годы, — юношей, стоящим еще только на пороге совершеннолетия, целиком во власти высоких мыслей о жизни, о судьбах человеческих. Каким прекрасным представлялся этому юноше мир! Как

ТОЛСТОЙ

Рисунок Рокуэлла Кента (итальянский карандаш, белила), 1963
Выполнен для настоящего тома «Литературного наследства»

Музей Толстого, Москва

лучезарно счастливы должны были бы быть люди. А между тем как много в мире горя! Следует помнить, что молодежь особенно чувствительна к несправедливости, к страданиям своих ближних, к тем противоречиям, которые преподносит жизнь. Так как я с юных лет посвятил себя искусству, то меня уже тогда волновали вопросы о назначении, о целях искусства и даже о целях самой жизни. И вот однажды... — тут, чтобы освежить в памяти то время, я позволю себе обратиться к автобиографии, написанной мною несколько лет назад:

«Однажды... я снова взял с полки „Что такое искусство?“ и стал читать. И вдруг словно все мое существо обрело способность выражения, словно какое-то божество заговорило в моей душе, чудесным образом превратив тот хаос, которым тогда был я — мой мозг, мое сердце, душа, совесть, — в человека цельного, знающего и целеустремленного».

Не в моих привычках делать в книгах какие-либо пометки, но в книге, которую я в тот день держал, пометки есть: отчеркнуты последние абзацы. Вот они:

«Назначение искусства в наше время — в том, чтобы перевести из области рассудка в область чувства истину о том, что благо людей в их единении между собою, и установить на место царствующего теперь насилия то царство божие, т. е. любви, которое представляется всем нам высшею целью жизни человечества.

Может быть, в будущем наука откроет искусству еще новые, высшие идеалы, и искусство будет осуществлять их; но в наше время назначение искусства ясно и определено. Задача христианского искусства — осуществление братского единения людей».

Обретя более полное понимание искусства в его неразрывной связи с условиями существования человека как общественной единицы, я продолжал учиться у моего наставника Толстого, и в двухтомнике избранных его сочинений по общественным, нравственным и религиозным вопросам находил подтверждение, в еще более углубленном виде, тем полуосознанным мыслям, которые пробудил во мне трактат «Что такое искусство?» Искренне и горячо одобрял я страстный призыв Толстого к людям жить в мире и братстве, полное и безоговорочное принятие им нравственного учения Христа, убежденность его в том, что только те, кто трудится, являются нормой и образцом для всех людей».

С той поры минуло шесть десятков лет. И пусть я за свою жизнь во многом отошел от толстовского евангелия, пусть часто — говоря словами молитвы той религии, в которой я был воспитан — «совершал то, чего не должен был совершать, и не совершал того, что совершить был обязан», тем не менее многие нравственные догматы толстовского евангелия оказались пророческими, настолько они и сейчас современны. Ибо сегодня главной задачей не только искусства, но любого проявления человеческого духа является, безусловно, именно осуществление «братского единения» людей.

И даже если отвергать «христианскую» мораль Толстого как неподходящую для революционных свершений, разве не является она прообразом морального кодекса теперь уже близкого коммунистического общества?

Таким образом, я пою сейчас хвалу не прославленному писателю с мировым именем. Нет, одинокому, порой осмеиваемому и почти забытому «христианскому» моралисту Льву Толстому, пророку Льву Толстому приношу я дань искреннего своего восхищения. Тому, кто был пророком мира, глашатаем братства людей. Народы земного шара должны, наконец, открыть свои сердца его проповеди. И да будет мир во всем мире памятником великому Толстому!

Перевод с английского М. Е. Михелевич.